

ВОЕННО–МОРСКАЯ РАЗВЕДКА ЯПОНИИ ПРОТИВ ГЛАВНОЙ БАЗЫ ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРЫ РОССИИ НАКАНУНЕ РУССКО–ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.

Андрей Вадимович ПОЛУТОВ,
соискатель Института истории,
археологии и этнографии наро-
дов Дальнего Востока ДВО РАН

К систематическому изучению морского театра военных действий на Дальнем Востоке Япония приступила с основания в 1872 г. Военно-гидрографического департамента Морского министерства. На департамент возлагались задачи по навигационно-гидрографическому обеспечению действий флота в мирное и военное время, включавшие в себя гидрографические исследования, создание карт и навигационных пособий, обеспечение морского театра средствами навигационного оборудования, снабжение кораблей и судов картами, приборами и пособиями, организацию передачи на корабли сведений о погоде, льдах, минной опасности и др. Содержание и объем деятельности департамента менялись по мере развития оружия, средств и методов кораблеводства и гидрографии¹. Гидрографический департамент работал в тесном взаимодействии с 3-м (разведывательным) отделом Морского Генерального штаба (МГШ), чьи материалы включались в лоции и описания.

В 1900—1903 гг. 3-й отдел МГШ занимался сбором сведений по всему театру военных действий, систематизированных затем в 4-х секретных выпусках «Описания побережий Дальнего Востока». В предисловии к 1-му выпуску говорилось: «Настоящее Описание составлено на основе исследований, произведенных офицерами нашего флота, и охватывает Россию, Корею и Китай. Описание побережья Восточной Азии начинается с севера от приморских районов России, включает в себя все побережье Кореи вплоть до Бохайского залива, затем берега Восточного Китая до Индокитая, охватывая тем самым береговую линию протяженностью в несколько тысяч миль»². Разведывательные интересы МГШ распространялись также на Гонконг и Сингапур, Филиппины, Яву и другие районы Юго-Восточной Азии.

В 1902 г. гидрографические корабли «Каймон» и «Бандзё» должны были вести плановые работы у берегов Китая, но в апреле по распоряжению

начальника МГШ их направили к западному побережью Кореи, где «Каймон» до октября вел комплексные гидрографические исследования в заливах Канхваман и Асанман, порта Инчхон и других районов западного побережья Кореи³. Интерес МГШ к этой части Корейского полуострова был обоснованным. Начиная с 1900 г., Генеральный штаб (ГШ) и МГШ ежегодно составляли оперативные планы войны с Россией, в которых залив Асанман и порт Инчхон рассматривались как наиболее выгодные пункты высадки войск для оккупации Сеула и развертывания сил армии на сухопутном театре военных действий⁴.

В апреле 1903 г. началась активная подготовка японского флота, и МГШ придавал исключительное значение сбору и получению сведений о силах противника. Основное внимание МГШ сосредоточил на западном побережье п-ва Корея, где с началом военных действий против России планировалось развернуть передовые пункты базирования, оборудовать якорные стоянки и создать сеть проводной и беспроводной связи для обеспечения боевой деятельности флота.

С 10 марта по 9 октября «Каймон» продолжил комплексные гидрографические работы в прибрежных водах западного побережья Кореи, по результатам которых в морские карты и лоции были внесены изменения и дополнения⁵. С 11 августа по 12 сентября 1903 г. корабль береговой обороны 3 класса «Сайэн» по приказу морского министра выполнял гидрографические работы у восточного побережья Кореи от залива Ульсанман до бухты Наджинман и в районе о-ва Уллындо⁶.

В Вонсане, Пусане, Масане и Инчхоне постоянно находились японские стационары из числа кораблей флота, выполнявшие задачи «по демонстрации военно-морского флага, защите подданных империи и разведки»⁷. Командиры стационаров составляли описания портов пребывания, производили шлюпочные и судовые промеры фарватеров и якорных стоянок, вели наблюдения за течениями, приливами и отливами, занимались сбором метеорологических сведений, которые затем передавались в Гидрографический департамент. Помимо этого они постоянно докладывали в 3-й отдел МГШ о политической и экономической обстановке в портах пребывания⁸. Подробные сведения об экономическом и техническом потенциале корейских портов, людских и материальных ресурсах японских общин в Корее позволили японскому флоту эффективно использовать их для решения различных задач во время войны с Россией⁹.

По указанию Морского министерства и МГШ командиры стационаров также занимались сбором сведений и вели разведку в конкретных районах западного побережья Кореи. 15 декабря заместитель морского министра передал по телеграфу в Чифу (Яньтай) командиру крейсера «Нанива»: «Приказываю немедленно направить в Инчхон корабль «Тиёда», который на переходе должен провести разведку якорных стоянок у острова Сунвидо и островов Йонпхён-Йольтто и изучить возможность размещения на них запасов угля и воды»¹⁰. 18 декабря командир «Тиёда» доложил из Инчхона по телеграфу заместителю морского министра о результатах разведки: «В зимнее время якорная стоянка у островов Йонпхён-Йольтто

невозможна. Вход на якорную стоянку в бухте о-ва Сунвидо весьма затруднен, и весь наш флот вряд ли сможет зайти в нее, но ничего более подходящего в этом районе нет»¹¹.

Но стационаров не хватало, в связи с этим 11 октября начальник МГШ, учитывая важность получения оперативной информации об обстановке в районе Инчхона и р. Ялу, приказал капитанам арендованных флотом пароходов «Вакаура-мару» и «Кэйхин-мару» совершать рейсы 3—5 раз в месяц по маршруту Инчхон — Нампхо-Анчхон — Ялу для сбора сведений¹². О навигационно-гидрографической обстановке Гидрографическому департаменту и МГШ сообщали также капитаны торговых судов и представители различных японских компаний, работавших в Корее. Так, в октябре 1903 г. инспектор пароходной компании «Осака юсэн» и председатель японской торговой палаты в Инчхоне представили в МГШ подробный доклад о судоходстве по р. Ялу с описанием фарватеров¹³.

В конце 1903 г. сведения об обстановке в Инчхоне и заливе Асанман приобрели первоочередное значение для МГШ и ГШ, приступивших к непосредственному планированию высадки экспедиционного отряда для оккупации Сеула. С октября и вплоть до начала войны с Россией в Инчхоне постоянно находился стационар — крейсер «Тиёда», не только освещавший обстановку в этом районе, но и сыгравший важную роль в подготовке и проведении морской десантной операции японской армии и флота 8—9 февраля 1904 г.¹⁴

В 1900—1903 гг. МГШ и Гидрографический департамент провели значительную совместную работу по изучению морского театра военных действий на Дальнем Востоке: были изданы справочные материалы по военно-морским базам и портам, составлены и выпущены подробные лоции и морские карты, изучены его навигационно-гидрографические и климатические особенности. Это позволило МГШ и командованию Объединенного флота Японии в ходе войны с Россией оборудовать передовые пункты базирования в бухте Чинхэман, на рейде Пхальгупхо, в заливе Асанман, в устье р. Тэдонган, на островах Личаньшаньдао¹⁵, обеспечить высадку войск в Инчхоне, Нампхо, в устье р. Ялу и др.,¹⁶ проложить подводные телеграфные кабели и разместить станции беспроволочного телеграфа вдоль всего западного побережья Кореи¹⁷. Накануне русско-японской войны МГШ выпускал постоянно обновлявшийся секретный «Справочник по военно-морским базам иностранных государств», содержащий подробные сведения о Порт-Артуре и Владивостоке: назначение и значение морской крепости и военного порта, количество и тактико-технические элементы базирующихся на них сил флота, береговые укрепления, склады оружия и боеприпасов, минные заграждения, портовые сооружения, якорные стоянки, конфигурация гаваней и фарватеры, судостроительные и судоремонтные мощности, климатические, метеорологические и гидрографические характеристики¹⁸.

Задача по сбору этих сведений путем визуальных наблюдений, разведывательных опросов и гидрографических работ ставилась перед командирами и офицерами всех кораблей, совершавших плавание у берегов

Дальнего Востока России, Кореи и Ляодунского полуострова и заходивших в их порты и гавани. Основной интерес для японского флота представляли Корейский полуостров, Порт-Артур и Владивосток, по которым сбор сведений осуществлялся всеми доступными силами и средствами.

Одно из первых донесений о Порт-Артуре составил в ноябре 1889 г. офицер 3-го отдела МГШ, капитан 2 ранга Мори Ёситаро: подробно описал планы строительства и реконструкции портовых сооружений Порт-Артура, особо отметив дноуглубительные работы в западной части порта и наличие оборудованных якорных стоянок, начало возведения судостроительного завода, наличие 10 береговых батарей, перечислил все находившиеся в порту военные корабли, а также подробно изложил процедуру досмотра судов при заходе в порт.

В июне 1901 г. старший штурман крейсера 2 класса «Хасидатэ» Канэмару Киёцугу и старший артиллерийский офицер крейсера 2 класса «Ицукусима» Такэути Сигэтоси по результатам захода во Владивосток составили для 3-го выпуска «Описания» донесение, включавшее в себя подробное описание «...морского экипажа, Николаевского дока судоремонтных мастерских, проектируемого дока, судостроительных заводов, складов вооружения Добровольного флота, грузоподъемных механизмов, военных припасов, мастерских по сборке миноносцев и артиллерийских батарей»¹⁹. В этот же выпуск вошел развернутый доклад офицера 3-го отдела МГШ капитан-лейтенанта Кавахара Кэсатаро, составленный в сентябре того же года во время захода крейсера 1 класса «Иватэ» и крейсера 2 класса «Касаги» во Владивосток²⁰.

В мае 1903 г. в Чифу (Яньтай) была развернута резидентура военноморской разведки, которая вела работу по Порт-Артуру с позиций японского консульства в Чифу, во главе которого стоял консул Мидзуно Кокити. Морским агентом при консульстве был назначен капитан 1 ранга Ямасита Гэнтаро, которого в начале 1904 г. сменил капитан 2 ранга Мори Ёситаро. В секретной директиве начальника МГШ говорилось: «<...> на находящихся в Чифу капитана 1 ранга Ямасита Гэнтаро, капитан-лейтенанта Масуда Такаёри и приданных им 4 нижних чинов возлагается разведка на Ляодунском направлении, они же должны время от времени тайно переправляться в Порт-Артур и собирать сведения по организации его обороны и флоту»²¹. При консульстве был также аккредитован майор от инфантерии Морита Тоситоо для взаимодействия с военной разведкой и совместной деятельности по Порт-Артуру, организация и укрепления сухопутной обороны которого интересовали ГШ²².

12 мая 1903 г. офицер 3-го отдела капитан-лейтенант Идзюин Сюн, имевший опыт работы в Китае, распоряжением заместителя начальника МГШ был направлен на «Ляодунское направление для наблюдения за ситуацией в русских владениях»²³. В августе 1903 г. капитан-лейтенант Идзюин по результатам своей трехмесячной работы представил на имя начальника МГШ «Доклад об обстановке на Ляодунском направлении», в котором сохранилась подробная военная, политическая и экономическая информация о Порт-Артуре, Дальнем, р. Ялу и русских концессиях, районе Фынтянь.

В докладе отмечалось: «Сравнительно слабым местом в обороне, по моему мнению, является западная часть нового города. Когда придет время планировать атаку Порт-Артура силами наших сухопутных частей, то я уверен, что именно это направление будет самым выгодным для осуществления такого плана.<...> Имеются сведения о том, что строятся две батареи на Янтоушань и вблизи Янтоува, но это ложная информация. По моему мнению и со слов моих агентов, заслуживающих доверия, нет никаких сомнений в том, что наш флот в ближайшем будущем, находясь на удалении от входа в этот залив, может беспрепятственно обрушить град снарядов на Порт-Артур, не беспокоясь об ответном огне противника, и выполнить поставленную перед ним задачу. В то же время, если атаковать Порт-Артур с восточного морского направления, то трудно с полной уверенностью говорить о том, что можно будет подавить батареи на Сяоцзяньшань. Эти батареи построены еще китайцами, имеют господствующее положение, на них ведутся работы по усилению их обороны. Поэтому, атакуя с этого направления, достижение цели выглядит весьма непростой задачей»²⁴.

Этот доклад стал базовым документом, на котором строила свою дальнейшую работу резидентура военно-морской разведки в Чифу. Систематическая отправка донесений в МГШ из Чифу началась в августе 1903 г. и продолжалась вплоть до начала войны с Россией в феврале 1904 г. Особое внимание придавалось получению разведывательных сведений о действиях кораблей Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре, поставках и запасах угля, продовольствия, боеприпасов и различного снаряжения.

10 сентября 1903 г. капитан-лейтенант Масуда направил на имя заместителя начальника МГШ донесение об обстановке в Порт-Артуре, составленное по результатам личных наблюдений и разведывательных опросов: «1. По сведениям, полученным мною лично в ходе разведки, в Порт-Артуре находятся следующие боевые корабли: «Паллада», «Диана», «Варяг», «Джигит», «Гремящий», «Отважный», «Разбойник», «Забияка», «Рюрик», «Сивуч», «Бобр» (зашли в порт сегодня), «Енисей», «Амур» (зашли в порт сегодня), «Всадник» и «Гайдамак». 2. По полученным мною сведениям обстановка в заливе Цзювань такова: в июле с.г. закончено строительство 5 казарм (за исключением складов), ведется строительство еще 5 казарм, к ним, как я мог лично убедиться, проложена из Порт-Артура телеграфная линия. 3. Получить точные сведения об имеющихся запасах угля и продовольствия оказалось весьма затруднительным, но через одного купца, постоянно ведущего дела с русскими казенными предприятиями и имеющего доступ на судостроительный завод и другие объекты, смог получить следующие данные: английский уголь — 30 тыс. т, японский уголь — 70 тыс. т, которые используются флотом, КВЖД и пароходством. Продовольствие флота (мука) хранится в трех двухэтажных складских помещениях размером 54 на 11 м каждое. Продовольствие армии (различное) хранится в 28 одноэтажных складских помещениях, разделенных на семь участков. Размер каждого склада 54 на 15 м. 4. В ближайшее время планирую направить агента в бухту Цзювань для сбора сведений на месте»²⁵.

Офицеры резидентуры неоднократно проникали в крепость под видом торговцев и занимались разведкой. В своей деятельности резидентура использовала для получения разведывательных сведений широкий круг источников, включая местных жителей — японцев, китайцев и русских. В частности, организацией сбора информации в интересах военно-морской разведки занимался глава японской общины в Порт-Артуре Хино Бумпэй, не только привлечший к этому практически все японское население города, но и лично отсылавший в Чифу сообщения с весьма ценными сведениями²⁶.

15 сентября 1903 г. Масуда направил в МГШ очередное донесение об обстановке в Порт-Артуре: «1. По результатам лично проведенной разведки в Порт-Артуре на якорных стоянках находятся 11 кораблей, сегодня в порт зашли еще 4 корабля. <...> 3. Запасы на угольных складах составляют 30 тыс. тонн английского и 70 тыс. тонн японского угля. <...> 5. Планируемое строительство еще одного дока отложено из-за нехватки средств. 6. На судостроительной верфи работает 1600 китайцев, 200 русских и 19 японцев. 7. Три драги ведут работы по углублению порта. <...> 8. В августе следующего года планируется завершение постройки батареи на горе Юйцзышань, по моим личным наблюдениям, на ведущемся быстрыми темпами строительстве задействовано примерно 700—800 рабочих. Постройка батареи на горе Аньцзышань завершена, но орудия пока не установлены. На горе Суншущань батарея перестраивается, но работы пока не выполнены даже на половину. <...> 10. Прилагаю все усилия для получения сведений о наличии подводных лодок и их экипажей, но получить достоверную информацию довольно затруднительно. По словам офицера английского военно-морского флота, начальник штаба Витгефт рассказывал, что надводные испытания двух подводных лодок прошли успешно, а вот подводные не так чтобы очень. Один местный житель видел три маленькие подводные лодки, оконечности которых напоминают куриное яйцо. Вполне вероятно, что сведения о наличии двух подводных лодок отвечают действительности, и я намерен и в дальнейшем со всем вниманием следить за этим вопросом»²⁷.

Японские общины в Порт-Артуре и Дальнем, представительства крупных японских компаний являлись вспомогательными звеньями сети резидентуры военно-морской разведки в Чифу. В советской и российской исторической литературе прочно укоренился миф об огромной сети шпионов и разведчиков во всех городах и населенных пунктах Дальнего Востока²⁸. Первоначально этот миф распространялся в российском обществе как одно из объяснений поражения России в войне, а в советское время насаждался в идеологических целях²⁹.

В действительности военно-морская разведка имела небольшой агентурный аппарат, отдавая предпочтение квалифицированным агентам с высоким социальным и профессиональным статусом. В конце 1903 г. капитан 1 ранга Ямасита Гэнтаро предпринял шаги для привлечения к разведывательной работе по Порт-Артуру офицеров китайского Северного флота с перспективой использования их во время войны, когда

проникновение в крепость для японцев станет невозможным. Ямасита поручил реализацию этого плана военному агенту в Китае, полковнику Аоки Нобудзуми, который в свою очередь должен был заручиться поддержкой у генерал-губернатора провинции Чжили Юань Шикая. Другой причиной для установления прямых контактов с китайской стороной по линии разведки была информация о том, что Россия может оказать давление на Китай и использовать его флот в войне против Японии³⁰.

11 ноября 1903 г. Ямасита в донесении на имя начальника МГШ сообщил: «На основании вашего приказа о привлечении агентов из числа подданных иностранных государств для ведения разведки противника на порт-артурском направлении в случае разрыва отношений между Японией и Россией вместе с консулом занимаемся подбором кандидатов на вербовку, но найти надежных, заслуживающих доверия агентов представляется весьма затруднительным. Одним из кандидатов является заместитель командующего Северным флотом Китая Са Чжэбин, с которым у консула уже установились доверительные отношения. Я трижды лично с ним встречался, он искренне выказывает симпатию к Японии. В любом случае консул выяснит его мнение на этот счет, и я уверен, что его вполне можно эффективно использовать в интересах империи. По службе он подчиняется непосредственно Юань Шикаю, который по указанию посланника Утида может приказать ему действовать в наших интересах. Са подберет двух офицеров из числа своих подчиненных и направит их в Порт-Артур, где они, по согласованию с японским консулом в Чифу, будут вести разведку и информировать о военной обстановке у русских. В случае вашего положительного решения я не сомневаюсь, что через Юань Шикая можно будет точно так же подобрать кандидатов для разведки и на сухопутном направлении»³¹.

Во второй половине 1903 г. у резидентуры были на связи в Порт-Артуре трое подданных Российской империи, которые подписали обязательство о сотрудничестве³². Наиболее ценным агентом был прапорщик запаса флота В.Д. Козлов, завербованный в конце октября того же года. Козлов будучи журналистом порт-артурской газеты «Новый край» и корреспондентом ряда российских центральных и местных изданий поставлял на возмездной основе различную информацию о Тихоокеанской эскадре и крепости вплоть до апреля 1904 г., а затем о русской армии в Маньчжурii вплоть до окончания войны. В 1906 г. Козлов вновь предложил свои услуги японской разведке через консула Японии во Владивостоке³³. Другим агентом был офицер российского флота польского происхождения, работавший на японскую военно-морскую разведку³⁴.

С 21 мая 1903 г. по 10 февраля 1904 г. в 3-й отдел МГШ поступило 90 донесений и 202 телеграфных депеши, из которых на долю резидентуры в Чифу приходилось соответственно 23 и 77. Донесения содержали подробную информацию о командовании и корабельном составе Тихоокеанской эскадры, вооружении и сооружениях крепости, запасах угля, продовольствия, боеприпасов и снаряжения и позволили вскрыть систему обороны крепости, ее уязвимые места на сухопутном и морском уча-

стках, фактические боеготовность и техническое состояние кораблей Тихоокеанской эскадры³⁵. Одна из телеграфных депеш резидентуры сыграла историческую роль в русско-японской войне.

В 16:25 3 февраля в МГШ поступило отправленное в 15:40 срочное телеграфное сообщение от резидента военно-морской разведки в Чифу (Яньтай), капитана 2 ранга Мори Ёситаро, которое стало *ultima ratio* для военно-морского командования Японии: *«По сведениям, полученным из Порт-Артура, в период до 10 часов утра 3 февраля шесть русских броненосцев «Ретвизан», «Победа», «Петропавловск», «Полтава», «Пересвет», «Цесаревич», шесть крейсеров «Баян», «Паллада», «Диана», «Аскольд», «Боярин», «Новик», два минных заградителя «Амур» и «Енисей» и канонерская лодка «Гиляк» вышли из Порт-Артура в море в неизвестном направлении»*³⁶.

ГШ, получив от МГШ это сообщение, незамедлительно направил циркулярную директиву командиру охранного отряда в Сеуле, командиру сторожевого отряда на о-ве Цусима, командующим военно-морских крепостей в Хакодате, Майдзуру, Симоносэки, Сасэбо и Нагасаки, командирам 10-й и 12-й дивизий о переводе вверенных им сил в полную боевую готовность и требование усилить бдительность.

В 17:10 морской министр, находившийся в это время вместе с Ито Хиробуми, министром иностранных дел Комура Дзютаро и военным министром Тэраути Масатака в личной резиденции премьер-министра Кацура Таро, изложил свою точку зрения на возможные действия вышедшей в море русской эскадры: *«Есть четыре варианта развития событий. 1. Русская эскадра намерена атаковать Сасэбо. 2. Русская эскадра собирается произвести высадку войск в заливе Тэдонман и Инчхоне. 3. Русская эскадра намерена оккупировать бухту Чинхэман. 4. Русская эскадра вышла в море для проведения учений»*³⁷.

В 17:35 морской министр и начальник МГШ приняли решение направить запечатанный пакет с Оперативным приказом № 1 Главнокомандующему Объединенным флотом и Командующему 3-й эскадры. Одновременно было решено начать постановку минных заграждений в Токийском заливе, Хакодате, Оомиато, Сасэбо, Такэсики и Майдзуру.

В 18:00 начальник 1-го (оперативного) бюро МГШ, капитан 1 ранга Ямасита Гэнтаро выехал из Токио через Хиросиму в Сасэбо, имея указание лично вручить пакеты и сообщить, что они должны быть вскрыты после получения телеграфной депешы из МГШ³⁸. 4 февраля в Хиросиме он вручил пакет начальнику штаба 3-й эскадры, а на следующий день должен был передать его Главнокомандующему Объединенным флотом вице-адмиралу Того Хэйхатиру.

В 10:30 утра 4 февраля началось заседание кабинета министров, в ходе которого были приняты решения о прекращении дипломатических переговоров, разрыве отношений с Россией и начале военных действий. В 13:30 заседание закончилось, а в 14:25 открылось совещание у императора, утвердившего решение кабинета министров о начале войны против России. В 16:30 совещание у императора закончилось, и Япония де-факто уже находилась в состоянии войны с Россией³⁹.

5 февраля из резидентуры в МГШ по телеграфу поступило уточнение: «По сведениям, полученным от русского агента в Порт-Артуре, 3 февраля вся русская эскадра, за исключением «Севастополя» и нескольких малых крейсеров, вышла в море, на следующий день, 4 февраля, зашла на рейд Дальнего, имея в своем составе также 20 миноносцев»⁴⁰. Но это уже не имело никакого значения. Япония вступила в войну против России.

В конце 1903 г. МГШ разработал оперативные планы войны с Россией на основе разведывательной информации 3-го отдела. Осведомленность о противнике и знание обстановки на театре военных действий позволило командованию японского флота в первые дни войны перехватить инициативу и завоевать оперативное превосходство. Можно сказать, что одной из причин победы Японии в войне было глубокое понимание японским командованием значения разведки для решения основной задачи флота — завоевание господства на море.

¹ История гидрографической службы Российского флота. В 4 т. СПб.: Изд. Главного упр. навигации и океанографии МО РФ. Т. 1. Гидрографическая служба Российского флота (1666—1917). С. 572.

² Тояма Сабуро. Исследование истории русско-японской войны на море. В 2 т. Токио: Кёйку сёппан сэнта, 1985. Т. 1. С. 216.

³ Корабли и суда в 35-м году Мэйдзи / науч.-исслед. ин-т Мин-ва национальной обороны Японии, фонд «Морское министерство», дело «36-й год Мэйдзи». Т. 1. Ч. 1. Гидрографические экспедиции «Бандзё», «Каймон». С. 1—36.

⁴ Почему была побеждена великая держава Россия? / под. ред. комиссии по изданию материалов по истории русско-японской войны общества «Кайкося». Токио: Фуё сёбо, 2006. С. 107.

⁵ Корабли и суда в 36-м году Мэйдзи / науч.-исслед. ин-т Мин-ва национальной обороны Японии, фонд «Морское министерство», дело «36-й год Мэйдзи», Т. 12. Ч. 3. «Гидрографические экспедиции «Ямато», «Бандзё», «Каймон», «Соко». С. 1—26.

⁶ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 11-й отдел «Хронологические таблицы». Т. 1. Сводная хронологическая таблица действий флота в период с 8.04.1903 по 5.05.1904. С. 55.

⁷ Корабли и суда в 36-м году Мэйдзи / науч.-исслед. ин-т Мин-ва национальной обороны Японии, фонд «Морское министерство», дело «36-й год: Мэйдзи». Т. 13, Ч. 1. Донесения стационаров в Китае и Корее. С. 1—454.

⁸ Там же. Т. 12. Ч. 4. «Плавание у берегов Китая и Кореи и стационарная служба «Идзуми», «Тихая», «Цукуси», «Сайэн», «Такасаго», «Такатихо», «Мияко», «Акицусима», «Тиёда», «Осима», «Атаго», «Тёкай», «Удзи», «Нанива». С. 1—390.

⁹ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 4-й отдел «Береговая оборона и связь». Т. 4. Гл. 2. Проводная связь. С. 38—40.

¹⁰ Там же. 11-й отдел «Хронологические таблицы». Т. 1. Сводная хронологическая таблица действий флота в период с 8.04.1903 по 5.05.1904. С. 112.

¹¹ Там же. С. 114.

¹² Там же. С. 74.

¹³ Там же. Т. 8. С. 1—4.

¹⁴ Полутов А. В. Десантная операция японской армии и флота в Инчхоне 8—9 февраля 1904 г. Ч. 1 // Морская кампания. М., 2007. № 7 (авг.). С. 27—33.

¹⁵ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 4-й отдел «Береговая оборона и связь». Т. 2. Организация обороны пунктов передового базирования. С. 202—459.

¹⁶ Там же. 1-й отдел «Хроника военных действий». Раздел 1. Т. 8. Гл. 1. Согласование и проведение совместных действий с армией. С. 1—20.

¹⁷ Там же. 4-й отдел «Береговая оборона и связь». Т. 4. Гл. 2. Проводная связь. С. 27—104; Глава 3. Беспроводная связь. С. 105—218.

- ¹⁸ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 1-й отдел. «Хроника военных действий». Т. 1. Гл. 1. «Действия флота по подготовке к войне». С. 55.
- ¹⁹ Описание побережий Дальнего Востока. 3-й выпуск. Токио: Морской Генеральный штаб, 1901. Вып. 3. С. 34—36.
- ²⁰ Тояма Сабуро. Исследование истории русско-японской войны на море. В 2 т. Токио: Кёйку сёппан сэнта, 1985. Т. 1. С. 224—228.
- ²¹ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 1-й отдел «Хроника военных действий». Раздел I. Т. 1. Гл. I. «Действия флота по подготовке к войне». С. 34.
- ²² Тояма Сабуро. Исследование истории русско-японской войны... С. 211.
- ²³ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 1-й отдел «Хроника военных действий»: Раздел I. Т. 1. Гл. I. «Действия флота по подготовке к войне». С. 35.
- ²⁴ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 1-й отдел «Хроника военных действий»: Прил. Т. 1. С. 4—6.
- ²⁵ Там же. С. 28—29.
- ²⁶ Там же. С. 34.
- ²⁷ Там же. С. 33.
- ²⁸ См.: Вотинов А. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М.: Воениздат, 1939.; Звонарев К. К. Японская разведывательная служба. М.: Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе, 1934.; Формы и методы подрывной работы японской разведки: (сб. газет. и журнал. ст.). М.: Высшая школа МГБ СССР, 1946.
- ²⁹ См.: Хамадан А. Японский шпионаж. М.: Партиздат, 1937.
- ³⁰ Тояма Сабуро. Исследование истории русско-японской войны на море. В 2 т. Токио: Кёйку сёппан сэнта, 1985. Т. 1. С. 213.
- ³¹ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 1-й отдел «Хроника военных действий»: Прил. Т. 1. С. 55—56.
- ³² См.: Донесения Ямасита Гэнтаро в МГШ от 23 ноября и 13 декабря 1903 г. // Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 1-й отдел «Хроника военных действий»: Прил. Т. 1. С. 57—59, 63—65.
- ³³ О получении разведывательных военных сведений от офицера запаса Козлова // Архив Министерства иностранных дел Японии, фонд «Официальные документы Министерства иностранных дел», отдел № 5 «Военные дела», раздел № 1 «Оборона империи», дело «Военная разведка и донесения». Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 1-й отдел «Хроника военных действий»: Прил. Т. 1. С. 57—59, 67—86.
- ³⁴ Архив Министерства иностранных дел Японии, фонд «Официальные документы Министерства иностранных дел», отд. № 5 «Военные дела», раздел № 2 «Войны», фонд № 7 «Шпионаж и измена», дело «Об использовании секретных агентов в интересах империи во время японо-русской кампании».
- ³⁵ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 12-й отдел «Приложение». Т. 1, часть 1. Разведывательные сводки отдела флота Ставки Верховного Главнокомандующего, включая донесения предвоенного периода. С. 1—315.
- ³⁶ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 12-й отдел «Приложение». Т. 1, часть 1. «Разведывательные сводки отдела флота Ставки Верховного Главнокомандующего, включая донесения предвоенного периода». С. 296.
- ³⁷ Кодзима Нобору. Японо-русская война. В 8 т. Токио: Бунсюн бунко, 1994. Т. 2. С. 46—47.
- ³⁸ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. Отдел 1 «Хроника военных действий». Т. 1. Глава 1. «Действия флота по подготовке к войне». С. 72.
- ³⁹ Кодзима Нобору. Японо-русская война. В 8 т. Токио: Бунсюн бунко, 1994. Т. 2. С. 47—49.
- ⁴⁰ Совершенно секретная война на море 37—38 гг. Мэйдзи. 1-й отдел «Хроника военных действий»: Прил. Т. 1. С. 85—86.

SUMMARY: The article covers the activities of navy intelligence bureau of the General Navy headquarters in Che-foo (China) before the Russian—Japanese war. The article contains data on the aims & methods of intelligence activities, modes of communication and codes as well as a list of intelligence reports that expose the objectives of the Japanese navy intelligence service in Che-foo and Port-Arthur—the Russian Navy, supply of coal and provisions, fortifications, etc. The article is based on Japanese archives, the majority of which are published for the first time in Russia.